

ЗАКАТ ЭПОХИ. СЕРДЦЕ ИМПЕРИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЭЛЕЗАР ЛЮБЕРАН

Элезар Люверан

Закат эпохи. Сердце империи

«Автор»

2026

Люверан Э.

Закат эпохи. Сердце империи / Э. Люверан — «Автор», 2026

Самозванные боги разожгли пламя войны, и оно медленно, но уверенно расползается по всему Кастерису. И пока все государства готовятся к великим битвам, о которых будут слагать легенды, в Ималане создают то, что перевернёт весь мир. Великая империя, никому не подчинившаяся за полторы тысячи лет, не намерена проигрывать и сейчас. Ставка в этой игре – не земли и не золото, а сама воля живых существ.

© Люверан Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Славная добыча	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Элезар Люверан

Закат эпохи. Сердце империи

Глава 1. Славная добыча

Одним утром, когда Андерстан вместе со своим войском возвращался в Витаран после битвы с последователями Роана, в окрестностях столицы Ималана развернулась большая охота. Багровое солнце выкатилось из-за горизонта и повисло в низкой пелене тумана. Глухо лаяли и взвизгивали собаки. По улицам аристократической деревушки раздавался нетерпеливый топот, бряцанье удила и конское ржание.

Около полусотни государственных деятелей собралось сегодня продемонстрировать свои навыки в стрельбе из лука. Разодетые в прогулочные одеяния, они общались между собой, расхваливая свои успехи в тренировках, пока слуги готовили снаряжение. Не меньше двух сотен телохранителей сопровождали их. Все терпеливо ожидали у каменных ворот поселения, когда император закончит свои дела и явится к ним.

И вот этот момент настал. Восседавая на белоснежном длинногривом коне, властитель северо-восточных земель Кастериса Рокулан приближался к знати, а вслед за ним – отряд из четырёх верных воинов в тёмных мантиях. Его тяжёлый пурпурный плащ еле колыхался на ветру, а лёгкий серебряный доспех с орнаментом пылающего меча переливался лазурью. Исхудалый, но высокий, он являлся полукровкой, вышедшим из связи человека и светлой эльфийки, вот только острые уши от матери не унаследовал. Окинув карими глазами всех собравшихся, лидер Ималана довольно ухмыльнулся и поднял руку в знак приветствия.

– Долгой жизни, Ваше Величество! – прокричали все, склонив голову.

Гончие разразились радостным лаем, как бы присоединяясь к приветствию. Зачёсывая назад патлы светлых волос, император гордо выпрямился и с улыбкой ответил:

– Вечной славы всем вам.

– Благодарю! – хором воскликнули собравшиеся.

Пока свита заканчивала последние приготовления, к Рокулану подлетел короткостриженный русский маг человеческого происхождения с чёрными глазами и лицом безумца, одетый в приталенную, но шелковистую серую мантию. Его на континенте знают практически все – и старые, и малые.

– Прошу меня простить, – обратился он. – Я знаю, вы не любите на досуге обсуждать государственные дела, но я только вчера узнал о...

– Значит, мои генералы умеют хранить секреты, – перебил Рокулан. – Хочешь возразить моему плану, Люммер?

Люммер опешил, обдумывая последующие слова, но быстро взял себя в руки и тихонько произнёс:

– Вы же хотите начать войну с Атаристамом. Сейчас не лучшее время для боевых действий.

– Почему это? Андерстан попросил нас помочь с Ландерсом, потому что сам не способен с ним справиться. А теперь ещё и Роан прибрал к рукам Эларию. Атаристам зажат в клещи, и даже способностей Фэйжана не хватит, чтобы отвести беду. Уверен, горе-король выживет, но место для бегства у него найдётся. Потому моя армия захватит последнее восточное пристанище, и Андерстан останется ни с чем.

– Но ведь...

– Довольно! – отмахнулся император. – Захочешь высказаться – приходи послезавтра во дворец. Сегодня у меня выходной.

Посылая шенкелями свою лошадь вперёд, он принялся созывать всех, оставив Люммера позади, а вслед за ним – личная охрана. Тот плавно приземлился на мощёную дорогу, а зелёная энергия, окружавшая его, растворилась в воздухе. Глядя на удаляющегося Рокулана, маг, опустив голову, с горечью вздохнул и прошептал:

– Добром это не кончится.

– Смотри, как бы он ни услышал эти слова, – послышались сзади чьи-то слова.

Люммер обернулся и увидел красные глаза своего друга. Тёмный эльф, чья грудь вздрагивала от беззвучного смеха, а чёрные волосы развевались на ветру, поправлял широкие рукава фиолетовой рубахи и с ехидной улыбкой добавил:

– Я бы не хотел увидеть тебя на плахе. Ты же знаешь: император без проблем казнит любого, вне зависимости от происхождения.

– Он не сможет этого сделать и через десять тысяч лет, – съязвил маг, хихикая. – Его цепные псы не смогут меня даже оцарапать.

– И почему же ты, такой сильный, тогда преклоняешься перед ним? Мог бы ему всё в лицо сказать.

– Как-никак, он мой повелитель. Приходится подчиняться, хочу я того или нет. Но да хватит об этом. Где твой сын, Сэнтин?

– Заключает сделку с кем-то из Варистана, – гордо заявил тёмный эльф. – Я звал его, но ты же знаешь современную молодёжь: все они хотят чего-то добиться.

– Современные дети аристократии – бич нашего мира! – открыто рассмеялся Люммер. – Только и делают, что спиваются да пустышек скупают, как драгоценности. Но ты можешь гордиться Вармиром. Он вырастет достойным мужчиной. Я в этом не сомневаюсь.

– Да... Только не нужно кричать об этом. Мои «коллеги по аристократии» не оценят твоей критики в адрес своих детей. Но ты прав. Они не подадут надежды.

Ещё немного пообщавшись, друзья оседлали лошадей и присоединились к остальным.

Мужчины и женщины, старые и малые, тучные и худые – ималанская знать в полном беспорядке расположилась перед императором, терпеливо ожидая указа. Псы смиренно сидели возле хозяев, не подавая голоса; только тяжёлое дыхание напоминало об их существовании. Телохранители полукругом выстроились позади, внимательно оглядываясь по сторонам.

– Туман, кажется, начинает рассеиваться, – сказал кто-то из сановников. – Сегодня будет отличный день для охоты.

– Прекрасно! – возгласил Рокулан. – Сегодня нас ждёт славная добыча. Первый, кто подстрелит дичь, освобождается от налогов на этот месяц. И никакой магии!

Пришпорив коня, он помчался к лесу, что виднелся на краю горизонта. Воодушевлённая подобным заявлением, свита императора с радостными криками понеслась следом. По пути им встречались стада тонкорунных овец и молодых, но могучих жеребцов, стаи птиц, летевших на юг, и солдаты-новобранцы, проходившие обучение. Но на всё это никто не обращал внимания – все хотели получить заветную награду.

Солнце из багрового стало огненно-жёлтым. Оно поднялось над деревьями, и туман пушистыми клочьями поплыл вверх, в бесцветное небо. Достигнув охотничьих угодий, всадники придержали коней и стали делиться на группы.

– Как насчёт личного пари? – спросил Люммера Сэнтин.

– О нет! – пробурчал маг. – Я никогда не умел стрелять из лука. Это ваша прерогатива. А проигрывать не люблю.

– Да ладно тебе. Без азарта жить неинтересно.

– Не обижайся, но я не хочу походить на тебя. И ты достал со своим азартом.

– Тогда вот отличное предложение: убьёшь оленя раньше меня, и я от тебя отстану навсегда.

– А если нет?

– Станешь магом-шутом на один вечер. Моя жена очень обрадуется такому подарку на день рождения.

– Ты серьёзно? – Люммер нахмурил брови. – Целый вечер гонять энергию на потеху? Я до сих пор не принял твою жену из-за того, что ты её в карты выиграл.

– Двадцать две зимы прошло, а ты всё об одном... Я не виноват, что её отец придумал столь несуразный способ выбрать жениха для дочери.

– Я всё равно отказываюсь.

Как бы ни пытался Сэнтин уговорить друга принять пари, тот остался глух к любому предложению. Однако азарт тёмного эльфа разыгрался вовсю. Он точно знал, чем можно соблазнить одного из лучших магов Кастериса, и когда все ставки закончились, из его уст вылетел последний козырь:

– Бочка «Хализийской драгоценности». Срок выдержки – сорок лет.

Догадка Сэнтина подтвердилась: Люммер обомлел, а его глаза чуть не вывалились из орбит; даже его конь, будто бы понял, о чём шла речь, повернул голову, ожидая ответа хозяина. Не меньше удивилась и знать, услышав о знаменитом вине; такой напиток, даже с меньшей выдержкой, не всякий хализийский богатеи может купить, не говоря уже о зарубежных. Они хотели принять участие в состязании, позабыв о награде императора, но тёмный эльф сделал вид, что ничего не слышал.

– Ну и? – злодейски улыбался Сэнтин. – Ты в деле?

– Ты не посмеешь! – возмутился Люммер, борясь с желанием согласиться. – Это... это...

– Ещё как посмею. Я же знаю, как маги любят вино. А такое для вас дороже любого сокровища.

– Конечно, мать твою! Эта бочка... она стоит не меньше любого шедевра Авалора! Чёрт с тобой! Я в деле! Но если я проиграю – с тебя в любом случае десять чаш.

– Ммм... Так дела не делаются, но чего только не сделаешь ради любимой жены... Договорились.

Обрадованный Люммер, ощущая на языке привкус того самого вина, выхватил резной лук и наложил стрелу на тетиву; никогда ещё он не чувствовал себя столь бодрым. Сэнтин, посмеиваясь над ним, потирал ладони, будучи уверенным в своей победе. Остальные, раздосадованные невозможностью принять участие в пари, тяжело вздыхали; они затаили на тёмного эльфа немалую обиду.

– Итак! – крикнул Рокулан. – Я объявляю начало охоты. Времени у нас на три боя барабанов. Славной добычи всем нам!

Все ответили громким возгласом. После этого знать разбрелась по лесу.

Топот копыт, хруст сухих веток, позвякивание колокольчиков, отрывистые голоса имланцев, страстный прерывистый лай собак, звон тетивы и свист летящих стрел – шорохи спокойного лесного ветерка заглушались звуками народной забавы. Зверье разбежалось кто-куда, забыв про страх перед хищниками, лишь бы не попасть под стрелу или в зубы гончим. Ещё не заиграли первые барабаны, как из глухой чащи запел протяжный рог, возвещая о первой подстреленной добыче.

– Проклятье, – недовольно процедил Сэнтин. – А я так хотел избавиться от налогов.

– У тебя богатств немногим меньше, чем у легендарной царицы Эллен, – хмыкнул Люммер. – Зачем тебе ещё налоговые послабления?

– Это же состязательный интерес. А такую награду в иных обстоятельствах не получишь.

– Тебе лишь бы победить!

– А ты отвлекаешься! – довольно воскликнул тёмный эльф.

Не умолк ещё его голос, как зазвенела тетива и стрела устремилась к жертве. Молодой олень с двумя отростками на крепких рогах рысцой бежал по опушке и мог бы словить в бок

платиновый наконечник, но Люммер, не желая уступать победу, отклонил стрелу друга. Тёмный эльф, впрочем, не стал порицать его; это только усиливало его азарт.

– Ненавижу магов, – расхохотался он. – Они всегда мухлюют.

Тем временем император в сопровождении своих телохранителей преследовал резвого зайца, метавшегося между деревьями и кустарниками. Подстрелить крупную дичь мог любой из ималанцев, поэтому Рокулан выбрал для себя цель посложнее. Золотые стрелы с красным оперением взлетали в воздух, свистели, предвещая смерть, но ни одна не поразила зверька. Однако неудачи не умаляли мастерства полукровки: почти каждый выстрел мог прикончить ушастого; только природная проворность спасала его.

Рога трубили отовсюду, и к ним примешивались радостные возгласы, хохот аристократов и ржание разгорячённых коней. Где-то в чаще слышались предсмертные рёвы хищников – их добивали солдаты и маги, охранявшие своих господ. Ветер доносил запах пота и крови, смешанный с ароматом прелых листьев. И в один миг, перекрывая лесной гул, прозвучал первый бой барабанов. Первая треть развлечения подошла к концу. Азарт не угас, но охотники, повинувшись давнему обычаю, придержали коней, давая передышку собакам и себе.

Один только Рокулан продолжал преследовать свою цель. Сжимая в руке драгоценный лук, он с трудом выгнал зайца на поляну, где ушастый, вполне предсказуемо, должен был двигаться по прямой. Лук изогнулся, словно осенний месяц, плывущий по небу, стрела взвилась подобно падающей звезде и точно вонзилась в цель.

Ималанцы, наблюдавшие это, закричали от восторга: «Превосходный выстрел, Ваше Величество!» Искренность или необходимость соблюдать этикет – не столь важна причина, ибо императора должно уважать.

Привязав коней к дереву, Люммер и Сэнтин улеглись отдыхать на траву подле журчащего ручья, вдыхая ароматы влажного, прохладного лесного воздуха и слушая завывания, уханье и хлопанье каких-то зверей или птиц. Когда до них донеслись поздравления, тёмный эльф, глубоко вздохнув, произнёс:

– А у меня всего четыре стрелы в колчане. Даже обидно, что до первого барабана я так никого и не подстрелил.

– Скоро солдаты принесут нам ещё, – со смешком проговорил Люммер, вытирая испарину со лба. – Жаль, нельзя использовать магию. Я бы наловил немало мяса.

– Ага... То-то я никак в цель попасть не могу. Лесной ветер, наверное, мешает мне.

– О да... Злая природа не даёт тебе права пожить своими дарами. Наверняка ты заслужил это, производя шамерак.

– Не я же его варю.

– Но именно ты за это ответственен. Я удивлён, что твоя семья до сих пор не знает, откуда у тебя столько богатств.

– Открою тебе секрет: я рассказал своей жене, и она вполне хорошо отреагировала. А Вармир... Я так и не нашёл в себе силы открыться ему. Я говорю всем, что это ради сохранения тайны. Верность делу и всё такое, но... не знаю, может, боюсь осуждения с его стороны.

– Не стоило Уросу создавать это зелье. Из-за этого дерьма полуангелы и покинули Кастерис. Честно говоря, я их не осуждаю.

– Но из-за этого дерьма Ималан живёт в мире и процветании.

– Печальная правда. Тут не поспоришь. Только другие обитатели континента не согласны с нашими методами.

Друзья, увлечённые беседой, напрочь позабыли про охоту. Ни проскакивающие мимо всадники, ни трубящие рога, ни подошедшие воины с новыми стрелами не отвлекли их. Так они и просидели в тени деревьев, не замечая, как по ним ползают муравьи, пока не загремел второй бой барабанов и азарт не вернулся с новой силой. Бросив в лицо Люммеру землёй, Сэнтин подхватил снаряжение, ловко оседлал коня и бросился прочь, надеясь поскорее найти

дичь. Недовольный маг, вытирая с век грязь, устремился следом, не желая позволить тёмному эльфу победить в состязании.

Найти добычу оказалось не так просто. Ималанская знать и воины рыскали повсюду, безжалостно истребляя всё живое, не разбирая копытных, косматых и пернатых. Стоны раненых сохатых смешивались с предсмертным хрипом волков и лисиц, застреленных на бегу. Не скупились даже на белок, хорьков и сов. Гончие, обезумев от крови, вцеплялись мёртвой хваткой в туши спасающихся животных, валили их с ног, и тут же на спину жертвы прыгали другие псы, терзая ещё живую плоть. Воздух, ещё утром пахнувший хвоей и прелым листом, теперь пропитался железным запахом крови, смешанным с конским потом и собачьей шерстью, а земля и растения окрашивались в багрянец. Лес, ещё недавно полный жизни, превратился в поле брани, где беззащитное зверьё платило жизнью за забаву сильных мира сего.

Друзьям пришлось изрядно отъехать в надежде найти достойную цель, и она нашлась. Молодой олень, лишь завидев приближающихся охотников, огромными прыжками вымахнул на поляну и, прижав рога к спине, понёсся вскачь. Стрелы летели одна за другой, но если Люммер не попадал из-за плохого мастерства, то Сэнтин – из-за выкрутасов мага. Почти весь боезапас у них иссяк, а олень всё бежал. Не видя другого выхода, тёмный эльф довольно улыбнулся и пошёл на крайние меры. Маг видел, как товарищ прицелился, и приготовился помешать. Но только пальцы отпустили тетиву, как короткая, но яркая вспышка озарила всё вокруг, и мёртвое животное рухнуло на землю, кувыряясь по инерции.

– Какого чёрта?! – ошарашенно выдал Люммер.

Это необычный выстрел. Стрела не просто моментально поразила цель, но и прошла её насквозь, вонзившись в далеко стоящее дерево и оставляя за собой след магической энергии, показывающий траекторию полёта. Обычные чародеи зачаровывают стрелы на банальные эффекты: они горят, взрываются, замораживают небольшую область в месте падения или создают ударную волну. Однако эта не походила ни на какую другую; ни один снаряд не способен лететь настолько быстро. Люммеру не потребовалось много ума, чтобы сложить всю картину воедино.

– Чары Авалора? – протянул он, приближаясь к тёмному эльфу. – Вот этого я точно не ожидал.

– Я знаю тебя и то, как ты любишь хитрить, а потому подготовился, – расхохотался Сэнтин. – Теперь я жду тебя через несколько недель у себя в поместье.

– Проклятье... И откуда у тебя взялась эта стрела? Тебя же казнить могут за неё.

– Только если узнают. А ты точно не побежишь об этом рассказывать.

– А на мой вопрос ответить?

– А на мой вопрос ответить? – глубоким голосом передразнил Сэнтин, скривив лицо.

– Тебе семьдесят шесть лет, а ты до сих пор как ребёнок. И почему Рокулан поставил тебя на столь высокий пост?

– Ммм... Я хорош собой, исполнительный, сообразительный, привлекательный, довольно способный, и это никак не мешает мне иногда ребячиться.

– Мёртвые боги... – Люммер закатил глаза. – Наградили же меня небеса таким другом. Ладно. Давай возвращаться. Уже гремит третий барабан.

Охота прошла довольно удачно для ималанцев. Лишь три собаки пострадали от ушибов, и только одна из них хромала; лесные обитатели сопротивлялись как могли. Вернувшись к остальным, друзья застали погрузку трофеев на подоспевшие из деревушки телеги: олени, лоси, кабаны, волки, лисы, совы, вороны, белки, хорьки, зайцы и даже медведи; судя по широким ранам, их убивали копьями и пиками воины. Рокулан по достоинству оценил результат своих подданных и пригласил всех на пир в своём доме. Счастью аристократов не было предела.

Обратная дорога выдалась на диво оживлённой. Участники охоты наперебой делились своими достижениями, и каждый выстрел обрастал такими подробностями, что иные истории

походили на подвиги легендарных героев, воспетых в балладах. Слушая их, солдаты невольно думали: этим товарищам следовало бы книги писать, а не государством управлять. Смех и весёлые крики не умолкали в толпе, и всё это ликование звучало тем страннее, чем тяжелее ступали могучие быки, впряжённые в телеги с мёртвой плотью. Колёса под непомерной тяжестью трофеев глубоко врезались в дорогу, оставляя за собой длинные борозды, а сочащаяся из туш кровь тянулась алым шлейфом, ложась на зелёную траву густыми багряными полосами. И если бы кто-нибудь заглянул в глаза этим рогатым труженикам, то непременно увидел бы в них невыразимую печаль, словно они сознавали, какую ношу тянут за собой; лесную плоть, что дышала одним с ними воздухом, пила из тех же ручьёв и трепетала от тех же звуков. Порой быки вздыхали тяжело и протяжно, и в этих вздохах слышалось не утомление, а глубокая скорбь. А иной раз раздавалось низкое, жалобное мычание, похожее на плач.

До вечера оставалось ещё несколько часов, когда все вернулись в деревню. Утомлённая знать разбрелась по своим домам, мечтая смыть с себя лесную грязь и запах пота, а после сменить одежды на те, что приличествуют их высоким титулам.

Каждая постройка в этом поселении отличалась от соседней, будто хозяева наперебой старались выделиться. По отдельности многие из них очень даже красивы, но вместе они создавали кричащий, безвкусный контраст. Одни дома лепили из белого камня, украшая резными колоннами и портиками, словно пытаясь воспроизвести древние храмы. Другие, напротив, облицовывали тёмным деревом и покрывали затейливой резьбой, изображающей сцены охоты или мифических чудовищ. Встречались и такие, что щеголяли яркой мозаикой на фасадах, где искусно выложенные цветы и птицы спорили за внимание с пёстрыми витражами широких окон. А над всем этим хаосом возвышались черепичные крыши – то красные, то зелёные, то синие – каждая со своей причудливой формой. В итоге деревня походила на балаган, где богатство боролось с оригинальностью, и оба проигрывали.

Поскольку Люммер не имел здесь своего жилья, Сэнтил позвал его с собой. Только они вошли в ворота, как по дорожке, выложенной идеально ровными плитками из чёрного камня и огороженной по обе стороны постриженной кустарниковой стеной, к ним навстречу лёгкой, почти невесомой походкой, словно она не шла, а скользила над землёй, приблизилась черно-волосая тёмная эльфийка с фиолетовыми глазами. Одетая в изящное, утончённое платье цвета жемчуга, дама одарила пришедших нежной улыбкой.

– Вы как всегда прекрасны, Фелла, – слегка склонил голову Люммер, прикрыв глаза. – Я и не знал, что вы сегодня приедете.

– До сегодняшнего утра я и сама не подозревала об этом, – с лёгкой усмешкой ответила женщина. – В Севирре так одиноко без мужа. И я решила не страдать и приехала сюда.

– И ты сделала правильный выбор, девочка моя, – Люммер обнял и поцеловал жену. – Теперь не мне одному придётся его терпеть.

– Говорила мне мама: «Не заводи друзей среди сановников», – маг закатил глаза. – Надо было слушать маму. Эх, ошибки молодости...

– У тебя он только один. И это я. И скажи спасибо, что я не веду с тобой светских бесед и не рассказываю каждую минуту о своих успехах. А ведь могу, если захочу.

– Давай, вот, без этого трёпа. Скоро пир, а я очень проголодался.

– А тебе не стоило так часто прибегать к магии.

– Кстати о светских беседах... – проронила Фелла. – Наши друзья в Дариммуне жалуются на какого-то неуловимого маленького воришку.

– Видимо, кто-то очень не хочет жить как честный гражданин, – посмеялся Сэнтин. – Ну да ничего. Ему в любом случае не сносить головы.

– Меня удивляет то, что вы так ничего и не сделали с этим городом, – возмутился Люммер. – Он же живёт на последнем издыхании.

– Ты слишком всё драматизируешь, друг мой. Дариммун живёт мирно и спокойно. Единственное интересное, что может там произойти, – чья-то смерть от скуки.

Пока властители Ималана погружались в привычную среду обитания, где изысканные яства громоздились на дорогушей посуде, на юго-востоке империи кто-то очень не хотел умирать голодной смертью.

– Стой, гадёныш! – выкрикивал продавец, пытаясь угнаться за проворным воришкой, укравшим сладкие булочки.

– Сам стой, гадёныш! – громко ответил тот, убегая всё дальше.

– Ловите это лысое отребье!

Маленький исхудалый гоблин с татуировками на голове на полной скорости мчался к заветному месту, где мог оторваться от погони, ловко уклоняясь от всех рук, что пытались его схватить. Проливной дождь, словно дар свыше, помогал ему в этот день: равнодушные горожане, не способные поспевать за беглецом из-за непогоды, то и дело спотыкались о выступающие камни мостовой, скрытые лужами. Пусть воришка и потерял часть добычи, но ему удалось скрыться от преследователей в тёмном переулке, перемахнув за деревянное ограждение.

Это самый обыкновенный день для бездомного юнца по имени Галивен. Почти ежедневно ему приходилось промышлять мелкими кражами, чтобы выжить в одном из самых запущенных городов империи Ималан – Дариммуне, что располагался на границе с королевствами Атаристам и Варистан.

Здесь, в поселении, измученном постоянными военными и торговыми конфликтами между тремя государствами, народ выживал как мог. В основном все занимались честным трудом, и мало кто добровольно шёл на воровство, грабёж или убийства: за подобное лишали головы, а то и хуже. Добывать еду – довольно тяжкое занятие, если ничего не умеешь и не знаешь, но у Галивена не оставалось другого выбора; гоблины завоевали дурную славу. Однако, в отличие от прочих несчастных, ему удивительно везло избегать встреч со стражей. Он умудрился протянуть так шесть лет.

Дариммун знал лучшие времена, но за несколько лет всё изменилось: широкие некогда улицы обветшали, а мостовая, выложенная когда-то ровными плитами, ныне провалилась и кое-где заросла травой; серые каменные дома, возведённые в прежние годы, местами почернели от копоти; деревянные строения покосились, а стены, покрытые мхом, впитывали сырость. Над этим упадком висели туманные клочья, поднимавшиеся от протекавшей через город реки; вода в ней мутная, замусоренная, и воняла достаточно сильно, чтобы никто не приближался на расстояние вытянутого копья. Жители свыклись с печальным видом; мусор валялся везде, а запахи отбросов смешивались с речной сыростью, создавая причудливую смесь ароматов. Местные власти заботились лишь о собственных кошельках; город же приходил в запустение, и никто не пытался остановить падение. Только в северо-восточной части, где селились богатеи, следили за внешним видом: дома стояли крепче, а улицы содержались в порядке – словно для тех, у кого водились деньги, делали исключение. Остальные районы доживали свой век в унынии и безнадёжности.

После очередной кражи пропитания юнец вернулся в своё убежище – чердак одного из заброшенных сооружений на восточной окраине города. Повесив сушиться недавно украденную у пьяного хоббита лёгкую синюю накидку, он почти в кромешной темноте улёгся на самодельный матрас из огромного куска мешковины, набитый сеном, укрылся старой зимней мантией и принялся поедать промокшие булочки, запивая их дождевой водой. Жёлтые глаза горели счастьем, длинные пальцы дрожали от восторга; сегодня повезло съесть что-то действительно вкусное.

К вечеру дождь закончился, облака уплыли на юго-восток, позволяя лучам солнца озарить Дариммун тёплыми жёлто-оранжевыми оттенками. Сытый и счастливый Галивен стоял у окна, задумчиво глядя в северо-восточную сторону горизонта, где далеко-далеко рас-

полагалась столица Империи – Севирра, куда он мечтал отправиться за лучшей жизнью. Представляя жизнь среди гор золотых монет в роскошном особняке, юнец опустил голову, и розовая фантазия разбилась о реальность. Туманный серый город, точно темница, напоминал о печальной судьбе немногочисленных знакомых, питавших точно такие же надежды. Ударив от досады по каменной стене кулаком, Галивен с хрипом произнёс:

– Я обязательно выберусь из этой дыры. Я не закончу так же, как и вы.

Немного успокоившись, он выбрался на крышу и, усевшись на край, внимательно наблюдал за происходящим. Галивен неспроста выбрал именно это место для проживания: прямо напротив располагался трактир, куда частенько наведывались путники со всех концов Ималана. Из-за скромных размеров заведения посетителям приходилось распивать на улице, и гоблин мог слышать всё, о чём они говорили. Как раз один из таких, человек в непривычной лёгкой одежде, попивая что-то из своего бурдюка, говорил кому-то:

– А забавно получилось. Дагонель устроил праздник в честь сына – и вот уже потерял королевство. Надо же быть таким тупым. Кто устраивает пиры, когда в мире такая задница?

– Да я бы лучше справился как король, – надменно отвечал собеседник. – Почему власть имеют такие идиоты?

Слушая эти и другие сплетни, Галивен лишь зевнул от скуки; ничего интересного для себя не услышал. Не надеясь узнать что-нибудь дельное, он вернулся на чердак, устроился на лежанке поудобнее и сладко уснул.

На следующее утро, подкрепившись засохшими за ночь булочками, гоблин снова отправился добывать пропитание. Он всё утро пытался незаметно стащить еду с прилавков, но продавцы были начеку и внимательно следили за ним, не позволяя приблизиться. Разочаровавшись, юнец решил действовать наглее – буквально влетел в прилавок, но его тут же схватили местные громилы, пришедшие за покупками, и отвесили несколько ударов. Однако ему удалось вырваться, ударив одного из них по причинному месту, и убежать до того, как подросла стража. Побитый гоблин забился в тёмный угол улицы и отсиживался там, пока боль не утихла. Не желая сегодня рыться в помойках, как это иногда бывало, он отправился в западную часть Дариммуна; там можно обокрасть пришлых странников.

Прогуливаясь по оживлённым улочкам города, юнец заметил огромного пузатого орка в плаще и кольчуге; с его пояса свисал тяжёлый мешочек. Галивен осмотрелся: толпы рядом нет – никто сразу не поймает; стража достаточно далеко и не вмешается сию минуту; жертва сильна, но неповоротлива, безоружна и явно быстро бегать не способна; пути для бегства не закрыты – есть где оторваться от преследователей. Улыбка дотянулась до ушей, острые зубы оскалились – гоблин несказанно обрадовался; сама судьба дарует отличную возможность. Приблизившись к заветному кошелю, явно набитому монетами, он только коснулся его, как всё пошло не по плану: здоровяк потянулся за деньгами, но случайно схватил мальчика за запястье. Могучий мужчина вытянул руку вперёд, подвесив наглеца над землёй, и грозно спросил:

– Воровать вздумал, сопляк?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.